

Владимир Кантор. *Мыслима ли Европа без России?*

От автора

Этот текст — доклад на международной конференции в Берлине «“Нежелательная” Европа? Испытание на прочность» (“Wieder unerwünscht? — Europa in der Zerreißprobe”). Встреча состоялась в рамках хорошо известной в Германии конференции «Немецко-русские осенние встречи», которая в этом году отмечает свой юбилей — 20 лет.

Какие представления о будущем нашего общего континента существуют сегодня в России, Германии и других европейских странах? Как вновь найти утраченное взаимопонимание, выходящее за узкие рамки националистических соображений, и какую роль при этом должно играть гражданское общество? При этом прилагательное «нежелательная», как пишут устроители, было заимствовано из закона о «нежелательных иностранных организациях», принятого недавно в России и олицетворяющего, на их взгляд, угрозу европейской общности.

Проходила эта встреча в Берлинской евангелической академии.

Для начала моего выступления предлагаю слушателям вообразить, что Россия провалилась в тартарары и что Западная Европа перестала поглядывать с опаской в ее сторону. Но что такое это «тартарары»? Не случилось ли уже однажды такое — в начале прошлого века, когда, по выражению русского философа Федора Степуна, Россия рухнула в «преисподнюю небытия»? Так всем показалось, да так отчасти и было. Во всяком случае, три миллиона наиболее развитых, культурных и энергичных русских людей волей или неволей (были, скажем, высланы на «философском пароходе») покинули в эти годы свою страну и обосновались на Западе, создав там мощную русскую диаспору. Мало того, что

они оказались великими комментаторами «русских событий», — их русский опыт помог им разобраться и в катаклизме, надвигавшемся на Западную Европу. И, пожалуй, первое, что они попытались донести до западноевропейцев, что Россия — это часть Европы и что ее падение в бездну потянет за собой и другие страны. И попадали — Италия, Германия, Испания, Болгария...

В России в XIX веке возникло понятие «русский европеец», где прилагательное столь же важно, как и существительное. Можно говорить и об испанском, итальянском, австрийском европейце, и о германском европейце, поскольку, скажем, еще в прошлом веке, то есть совсем недавно, с точки зрения истории Германия, Испания, Италия искали неевропейский путь и какое-то время по нему шли. С точки зрения русского европейца я и хотел бы оценить нынешнюю европейскую ситуацию. Идея русского европеизма позволяет **критически** смотреть и на Россию, и на Запад, ибо обе эти части Европы — родные для русского европейца, а потому он имеет право желать их улучшения. Но это критика, не похожая на ту, с какой «русские патриоты» подходят к Западу, а «западные патриоты» к России, — чтобы уничтожить противника. Это внутренняя самокритика европейской культуры, способствующая тому, чтобы **во всем европейском мире** можно было существовать **нормально**.

Сегодняшняя европейская ситуация выглядит плачевно. И дело не в мигрантах, а в том, на мой взгляд, что Европа теряет свою самоидентичность, перестает быть той Европой, на которую русские европейцы всегда ориентировались. Впрочем, кризисы, возникающие время от времени, есть константа Европы. Тогда она ищет ответа на свои вопросы то в социальных движениях, то в молодежных движениях, то в геополитике. И последнее мне кажется самым неудачным для поисков самоидентичности.

Мне представляется, что в сегодняшних спорах геополитика удалила два важнейших понятия, которые всегда структурировали Европу, — понятие истории и понятие культуры. Это серьезнейшая ментальная проблема. Начну со второго понятия, понятия культуры.

Когда мы пытаемся определить ту или иную страну, то вспоминаем не ее правителей, а творцов ее культуры. Мы не помним тиранов и олигархов античной Греции (если они не стали мифологическими персонажами), но помним Гомера, Эсхила, Софокла, Платона и Аристотеля. Но к чему так далеко? Называем ли мы Францию страной Франсуа Олланда? Вряд ли. Это страна Камю, Пруста, Бергсона, Сартра, великих художников. А неужели в нашем сознании Германия

определяется госпожой Меркель, а не Томасом Манном, Генрихом Бёллем, Карлом Ясперсом? Ну а Россия? Было бы неправильно определять страну Гоголя и Пушкина, Толстого и Достоевского, Чехова и Бунина, Михаила Булгакова и Александра Солженицына через имя ее нынешнего президента как страну Путина. И, конечно, говоря о Северной Америке, мы воображаем Марк Твена, Фолкнера, Хемингуэя, а не президента Обаму. Между тем, судя по тому, как из немецких университетов вымываются славистские кафедры с преподаванием русской литературы, можно сказать, что примитивная геополитика победила культуру. И это в одной из некогда самых культурных стран! Я не только философ, но и писатель (что характерно для русского мыслителя), поэтому примеры мои литературные. Впрочем, Камю и Сартр, Гёте и Томас Манн напоминают мне, что сочетание философии и литературы характерно не для одной России. Но в связи с русской литературой мне вспоминается занятный эпизод трехмесячной давности. Я разговорился с одним молодым человеком, десять лет назад переехавшим в Россию из Харькова. Мы почему-то вспомнили Гоголя, и тут к своему удивлению я услышал, что Гоголь — чисто украинский писатель, и не только по крови, а потому что все свои произведения он писал на украинском языке. Так их учили в школе, и Гоголя они читали как бы в подлиннике на украинском языке. Возражать, говорить о всеприемлемости российской культуры, где человек с немецкой и эфиопской кровью стал величайшим поэтом России (Пушкин), что евреи — художник Левитан, писатели Эренбург, Бабель, Пастернак, Мандельштам, философы Франк, Шестов, Гершензон — золотой фонд нашей живописи, литературы и философии, я не смог, молодой человек в своих учебниках не сомневался.

Но обратимся к понятию истории, тоже вымытому из сегодняшних рассуждений, хотя понятие истории рождено именно европейской ментальностью.

У меня ощущение, что Западная Европа, продолжая существовать в пространстве, уже не живет в истории, живет сегодняшним днем, не вспоминая о вчерашнем. Русский философ и писатель Федор Степун, которого называли мостом между Россией и Германией, переживший две войны, две революции (в России и Германии), уцелевший при двух тоталитарных режимах, после окончания войны с недоумением и тревогой видел, как в Западной Европе играют в украинский национализм, поддерживая бандеровское движение. Сохранились его доклады, где, обращаясь к немцам, он пытался предостеречь их от

подкармливания национализма с целью свалить Советский Союз. Повторяю: он был антисоветчик, изгнанный в 1922 году из страны, но он помнил, как Запад поддержал большевиков, надеясь на окончательный развал Российской империи, и в результате породил тоталитарного монстра.

Каждый европейский кризис последних двух столетий (особенно связанный с войной — наполеоновской, крымской, Первой и Второй мировыми войнами) вызывает в русском обществе вопрос об отношении Европы к России и России к Европе. Нынешний кризис не исключение и не последний в этом ряду, когда одна часть Европы ополчается на другую ее часть. Достаточно напомнить крестовый поход 1204 года, когда, отправившись на войну с мусульманским миром, западноевропейские крестоносцы вдруг (12–13 апреля 1204 года) напали, разгромили и разграбили христианскую Византию, которую спустя два столетия они же пытались безуспешно защитить от турок-сельджуков. Так называемая Великая французская революция, возглавляемая якобинцами, помимо того, что казнила тысячами людей, публично, на площади (правда без телепередач, как убийцы из ИГИЛ), уничтожала и памятники культуры, даже статуям отрубали головы. Французские коммунары сожгли дворец Тюильри, большевики разрушали и взрывали церкви, немецкие нацисты устроили холокост, родственников моей первой жены (не только их, разумеется) нацисты и украинские полицаи загнали в рвы Бабьего Яра, где и расстреляли, добавим злодеяния поменьше — жгли книги и устроили конюшню в Камероновой галерее Царского Села под Петербургом. И это все Европа! По историческим меркам это было вчера вечером. То есть совсем недавно. А сразу после якобинцев случился Наполеон, завоевавший большую часть Европы. И именно Россия неимоверным напряжением сил Европу освободила. Русские казаки вошли в Париж, но вскоре вышли, ибо пришли не завоевывать, а освобождать. Об этом героическом спасении Россией Европы, как и об освобождении ее от нацизма, европейцы не желают помнить, хотя во всем образованном мире читают роман «Война и мир» о борьбе России с Наполеоном, который хотел Россию вышвырнуть с европейского пространства. Любопытно, что на Западе в такие критические моменты появляются люди, которые старательно начинают отлучать Россию от Европы, называя русских **варварами, гуннами, туранцами**, неспособными к европейскому саморазвитию.

Именно этих людей великий русский поэт Пушкин, **славянский Моцарт, славянский латинец** (по определению Томаса Манна), называл «клеветниками России». Для него, подлинного европейца по культуре, по воспитанию,

учившегося у Байрона, Данте, Шекспира, Гёте, ощущавшего с ними духовное родство и равенство сил, помнившего и понимавшего, из какого мрака варварства выходила сама Западная Европа, неприемлема была идеализация европейского мира, но столь же неприемлемо было и отлучение России от Европы. Пушкин помнил трудности европейской истории — чумные бунты («Пир во время чумы»), Столетнюю и Тридцатилетнюю войны, унижения вилланов («Сцены из рыцарских времен»), слякоть и доводящую до самоубийства нищету английских бедняков, ужасы Французской революции («Убийцу с палачами // Избрали мы в цари» — «Андрей Шенья»: о гуманных французах, устроивших массовые убийства именем народа). Он — реалист, человек ясного взгляда. Поэтому, не идеализируя запад Европы, он был уверен и в том, что **российская дикость не является непреодолимой помехой европеизации**. Впрочем, Россия как часть Европы устроила большевистские лагеря Колымы и бессудные расстрелы сотен тысяч. Но мы про это помним.

Мы сейчас переживаем очередной срыв Европы. Мигрантский потоп — это ведь ошибка Запада. Но история не кончается сегодняшним днем. Это во-первых. А во-вторых, пора понять, что дело не только в конкретной политической европейской ситуации, а в тех духовных ценностях, которые Европа выработала, которым сама не всегда следовала, но которые вытаскивали ее из самых глубоких провалов, *de profundis*... Эти ценности принадлежат антично-христианской парадигме, структурировавшей западноевропейское, а вслед за ним и российское пространство. Вопрос сейчас о России. Должны ли мы, наблюдая «затмение разума» на Западе, если воспользоваться определением Макса Хоркхаймера, отказываться от своего европейского наследия? Или возможна ситуация, когда русские могут оказаться больше европейцами, чем Запад? О такой возможности говорил один из героев Достоевского (Версиков в «Подростке»), наблюдая западноевропейские катаклизмы (немецко-французскую войну): «Нас таких в России, может быть, около тысячи человек; действительно, может быть, не больше, но ведь этого очень довольно, чтобы не умирать идее. Мы — носители идеи, мой милый!» **Что же это за идея?** «Тогда особенно слышался над Европой как бы звон похоронного колокола. Я не про войну лишь одну говорю и не про Тюильри; я и без того знал, что все преидет, весь лик европейского старого мира — рано ли, поздно ли; но я, как **русский европеец** (выделено мной. — В.К.), не мог допустить того. Как носитель высшей русской культурной мысли, я не мог допустить того, ибо высшая русская мысль есть всепримирение идей. И кто бы

мог понять тогда такую мысль во всем мире: я скитался один. Не про себя лично я говорю — я про русскую мысль говорю. Там была брань и логика; там француз был всего только французом, а немец всего только немцем. Тогда во всей Европе не было ни одного европейца! Только я один, как русский, был тогда в Европе **единственным европейцем**. Я не про себя говорю — я про всю русскую мысль говорю». Эта установка русской мысли может быть плодотворна, если подойти к ней смиренно, по-христиански, понимая, что трудный процесс европеизации как Запада, так и России будет продолжен.

Фраза Версилова о русском как подлинном европейце была не случайна. Просвещенное меньшинство в России чувствовало себя европейцами не только в Европе, но и у себя дома. Как писал русский мыслитель Георгий Федотов, «Петровская реформа действительно вывела Россию на мировые просторы, поставив ее на перекрестке всех великих культур Запада, и создала породу **русских европейцев**. Их отличает прежде всего свобода и широта духа. В течение долгого времени Европа как целое жила более реальной жизнью на берегах Невы или Москва-реки, чем на берегах Сены, Темзы или Шпрее».

А вопрос свободы чрезвычайно важен. Что меня поражало на Западе, в Штатах, может, даже больше, чем в Европе, это — при всей толерантности — отсутствие свободы мнений, свободы мысли. Русские интеллектуалы усвоили эту свободу с Запада и отстаивали ее, пройдя тяжелейшие годы тоталитаризма. Я говорю о свободе независимой мысли. О том, что мы научились жить вне зомбирующего фактора массмедиа. Я помню, что в год бомбежки Сербии и всеобщей к ней ненависти я оказался в Германии и выразил сомнение в правоте этих бомбардировок, в истине того утверждения, недоказанного, а только растиражированного всеми средствами массовой информации, что сербы убивают албанцев, чтобы торговать человеческими органами. Несколькоми годами позже госпожа Карла дель Понте извинилась и сказала, что этим занималась албанская мафия. Но было уже поздно, сербы были превращены в изгоев, в православных евреев, о которых нельзя было сказать хорошего слова. И друзья меня просили быть осторожнее в публичном высказывании. Как думает коллектив, так и правильно. Когда СССР начал войну в Афганистане при поддержке всех СМИ и народа, против выступил бесстрашно академик Андрей Сахаров. Против одуряющей пропаганды советского общества Александр Солженицын показал миру архипелаг ГУЛАГ. Во время чеченской войны достаточно назвать правозащитника Сергея Адамовича Ковалева. Примеры

можно множить. Но я с тревогой видел на Западе абсолютно советскую ментальность, но в тот момент не видел ни одного Солженицына, ни одного академика Сахарова.

Задача XXI столетия — утверждение и развитие личностного принципа, необходимость которого сегодня очевидна. Смысл этого утверждения — в дальнейшей «европеизации Европы», превращении ее в некое противоречивое, но достаточно гармоничное целое, соединяющее воедино восток и запад Европы. Только на этом пути возможно будущее для человечества, отягощенного слишком большим количеством смертоносного оружия, способного много раз уничтожить всякую жизнь на планете.